

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ОБЩЕСТВ XX ВЕКА

А. Ю. Савенко

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

В этом году исполнилось 100 лет Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., продолжившей череду буржуазных революций в Европе на знаменах которых был начертан лозунг «Свобода, равенство, братство», рожденный во времена Великой французской буржуазной революции. Принципы свободы, равенства и братства были определены в «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.) и в «Декларации прав и обязанностей человека и гражданина» (1795 г.). Согласно «Декларации прав человека и гражданина» (ст. 4): «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами» [2]. Равенство в этом документе трактуется как равенство перед законом, равенство возможностей (ст. 6): «Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его создании. Он должен быть единым для всех, охраняет он или карает. Все граждане равны перед ним и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями» [2]. Что касается принципа братства в отношениях между людьми, то он определяется в «Декларации прав и обязанностей человека и гражданина» в разделе «Обязанности»: «Все обязанности человека и гражданина вытекают из следующих двух принципов, заключенных во всех сердцах от природы. Не делайте другому того, что вы не хотите, чтобы сделали вам. Постоянно делайте другим то доброе, что вы хотели бы получить сами» [1]. В сущности, в этом пункте речь идет о «золотом правиле нравственности», сформулированном еще в древние времена великими учителями человечества.

Принципы свободы, равенства, братства являются базисными ценностями современной западной (техногенной) цивилизации, но были ли они воплощены в жизнь за более чем два столетия, прошедших со времен Великой французской буржуазной революции? На наш взгляд, скорее да, чем нет. Начнем со свободы. Представляется бесспорным, что свобода личности ограничена в любом типе социума, ибо существование общества как целого реализуется только ценой большего или меньшего ограничения свободы индивидов. Однако степень этого ограничения может быть очень разной. Техногенная цивилизация представляет собой повышение уровня социальной организации людей при минимальном (по сравнению с другими типами социума) ограничении степени их свободы. Признание прав и свобод человека способствует наиболее полному раскрытию творческого, собственно человеческого начала в каждом человеке, стимулирует активность личности. За счет творческой инициативы раскрепощенных индивидов происходит динамичное развитие техногенной цивилизации. Что касается равенства, то в этом типе социума оно трактуется как равенство прав, возможностей. В качестве границы свободы каждого человека рассматривается свобода другого человека, который имеет такие же права, как и любой гражданин данного общества. Сложнее

обстоит дело с реализацией принципа братства, однако здесь следует отметить, что в условиях в целом индивидуалистической западной цивилизации формируется новый тип коллективизма, органически связанный с равенством возможностей. Это братство людей как «товарищество», «коллектив индивидов» (В. Мильдон), «общность, в которой сохраняется индивидуальность каждого человека» (М. Новак).

Какова же судьба принципов свободы, равенства и братства в восточнославянских обществах XX в.? В ходе Февральской революции, в основе которой лежало стремление к свободе и переустройству государства на республиканских принципах, характерный для буржуазных революций лозунг «Свобода, равенство, братство» не успел стать базовым принципом трансформирующихся восточнославянских обществ, ибо уже через полгода грянула Октябрьская революция, которая проходила под лозунгами: «Фабрики – рабочим, землю – крестьянам, мир – народам». Эти лозунги не были воплощены в жизнь – земля и фабрики в итоге стали государственной собственностью, а что касается мира – то большую часть своей истории советская страна находилась в состоянии «холодной» войны и объявленных и необъявленных «горячих» войн. В этой ситуации уместно говорить об «отчуждении революции», когда революция как вид социально-преобразующей деятельности не только выходит из-под контроля своих творцов, но и начинает функционировать вопреки их воле и намерениям. Этот феномен отмечен Ф. Энгельсом в письме В. Засулич: «Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать» [5]. К сожалению, формат данной статьи не позволяет рассмотреть причины этого явления, отметим лишь, что интересный анализ феномена «отчуждения революции» и его причин содержится в работах польского философа А. Шаффа (см., например, [7]).

Остановимся далее на характере Октябрьской революции. Хотя сначала сами большевики называли ее Октябрьским переворотом, большую часть советской истории это событие официально именовалось Великой октябрьской социалистической революцией. Однако, как писал Маркс: «При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию» [3, с. 6]. Как известно, с позиций марксизма характер социальной революции определяется тем, к установлению какого строя она ведет. Социализм, как считал Ленин, это «то общество, которое вырастает из капитализма», это первая ступень более высокой по сравнению с капитализмом коммунистической формации. Однако за семьдесят с лишним лет своего существования советское общество (при всех его успехах, достигнутых невероятной ценой) так и не смогло догнать и тем более перегнать развитые капиталистические страны по главному показателю уровня развития производительных сил – по производительности труда. Это общество, по сути, являлось докапиталистическим, ибо в нем преобладали внеэкономическое принуждение к труду и отношения личной, а не экономической зависимости (проявлявшиеся, прежде всего, в виде отношений господства-подчинения). С позиций формационного подхода к исследованию истории человечества, общество советского типа – это модификация докапиталистических структур, возникшая на новой, индустриальной основе. Этот конкретно-исторический тип социума, представляющий собой особую ступень в его развитии, не предусмотренную в ортодоксальной марксистской схеме общественно-экономических формаций, можно было бы назвать «государственно-монополистическим постфеодализмом». Однако, на наш взгляд, более

продуктивным в случае анализа советского общества является цивилизационный подход к анализу реального исторического процесса, согласно одному из вариантов которого предлагается выделить два сосуществующих и соперничающих между собой типа социума – индивидуалистическую техногенную («западную») цивилизацию и коллективистическую традиционную («восточную») цивилизацию. С позиций такого подхода к исследованию истории человечества, общество советского типа является своеобразной модификацией восточного типа социума, возникшей на индустриальной основе (ответом Востока на вызов Запада, позволившим достичь паритета в области военно-технической мощи и некоторое время его поддерживать). По мнению классика цивилизационного подхода О. Шпенглера с победой большевизма «Азия отвоевывает Россию, после того как Европа аннексировала ее в лице Петра Великого» (цит. по [6, с. 110]). Это была социальная революция, понимаемая не как переход от одной формации к другой, а как смена цивилизационной парадигмы, резкая, радикальная и фундаментальная трансформация общества в целом. Характеризуя специфический способ производства, который он назвал «азиатским», Маркс писал о том, что отсутствие частной собственности на землю – «...ключ ...к восточному небу» [4]. Тотально огосударствив все основные средства производства, большевики не изобрели ничего нового в истории, ибо «это было уже в веках, бывших прежде нас» (Екклесиаст).

С позиций системного подхода восточнославянские общества 100 лет назад оказались в точке бифуркации, в этой ситуации была возможна как диссипативная самоорганизация, ведущая к высокоорганизованному «порядку клетки», так и консервативная самоорганизация, ведущая к низкоорганизованному «порядку кристалла» (Тейяр де Шарден). Россия пошла по пути консервативной самоорганизации, степень вероятности выбора которого всегда выше вследствие стремления любой системы к стабильности, уравниванию и простоте. Октябрьская революция была, по сути, Первой консервативной революцией XX в. В результате возникло «энтропийное» общество, в котором вместо реализации принципов свободы, равенства, братства, характерной для современной западной цивилизации, произошло значительное снижение степени свободы (по сравнению с дореволюционным периодом), равенство реализовалось как унифицирующая уравниловка, как «равенство в бесправии» (Б. Кашников), а братство – как гипертрофированный коллективизм, подавляющий личностное начало в человеке.

В заключение отметим, что Перестройка и последующая трансформация отдельных восточнославянских обществ с позиций формационной концепции может рассматриваться как буржуазно-демократическая революция, а с позиций цивилизационного подхода – как революционная попытка смены цивилизационной парадигмы. Однако современное российское общество, похоже, снова, как и сто лет назад «беременно» очередной «кристаллизацией», но если новая консервативная революция и произойдет, то, скорее всего, уже не под большевистскими лозунгами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация прав и обязанностей человека и гражданина, 1795 г. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1795.htm>. – Дата доступа: 31.03.2017.
2. Декларация прав человека и гражданина, 1789 г. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/dekl_pravfr.php. – Дата доступа: 31.03.2017.
3. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 5–9.
4. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 28. – С. 215.
5. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 36. – С. 263.
6. Свасьян, К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем. и вступ. ст. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – С. 5–122.
7. Schaff, A. Marksizm dzisiaz. Znaczenie marksowskiej teorii alienacji / A. Schaff // Studia filozoficzne. – 1983. – № 3. – S. 3–13.